

DOI: 10.31857/S032103910009663-2

CORONA GRAMINEA И ИМПЕРАТОР АВГУСТ

А. Н. Токарев

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail: a.m.tokarev@karazin.ua

До недавнего времени никто из исследователей не задавался вопросом, почему первый римский император отказался от высшей республиканской награды — травяного венка — и сделал символом своей власти венок дубовый. В 2010 г. попытку дать этому объяснение предприняла Б. Бергман. По мнению исследовательницы, неопознанный венок, изображенный на поздних монетах Юлия Цезаря, — это *corona graminea*, и Август отказался принять эту награду по причине ее тесной связи с последним римским диктатором. На наш взгляд, причины такого отказа кроются скорее в сфере религии. В глазах современников Августа травяной венок с его долгой и сложной историей ассоциировался с гражданской войной и ее пагубными последствиями. Поэтому первый император предпочел принять практически сравнявшийся к тому времени по значимости с *corona graminea* дубовый венок, листья которого символизировали благополучие и благоденствие.

Ключевые слова: древний Рим, *corona graminea*, *corona civica*, Г. Юлий Цезарь, Август

CORONA GRAMINEA AND THE EMPEROR AUGUSTUS

Andrey N. Tokarev

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine

E-mail: a.m.tokarev@karazin.ua

Until recently, it has not been discussed in modern scholarship why the first Roman emperor refused the highest republican award — the grass wreath, but made the oak wreath a symbol of his power. In 2010 B. Bergmann made an attempt to explain this. According to her, the unidentified wreath on the late coinage of Julius Caesar is *corona graminea*, and Augustus refused to accept this award because of its close connection with the last Roman dictator. In our opinion, the reasons for this refusal lie in the religious sphere. A grass wreath with its long and complex history was associated in the eyes of Augustus' contemporaries with the civil

war and its disastrous consequences. Therefore, the first emperor preferred to accept the oak wreath, the leaves of which symbolized well-being and prosperity, an award almost equal in honour by that time with the corona graminea.

Keywords: ancient Rome, *corona graminea*, *corona civica*, C. Iulius Caesar, Augustus

Тит Ливий в своем знаменитом труде описывает историю Рима эпохи царей и времен Республики как череду бесконечных войн. Поэтому совсем неудивительно, что в таком милитаризованном обществе воинская доблесть занимала особое место. В глазах римлян величие и слава государства напрямую зависели от доблести воинов. Из всех добродетелей Цицерон ставит ее на первое место: «Воинская доблесть, бесспорно, превосходит все остальные. Это она возвысила имя римского народа; это она овеяла наш город вечной славой; это она весь мир подчинила нашей державе» (Cic. *Mur.* 22; пер. В.О. Горенштейна). *Virtus* давала любому гражданину уважение и престиж, во многом от нее зависели успешная карьера и слава.

Ее внешними атрибутами были многочисленные воинские награды, среди которых выделяются венки, сплетенные из листьев различных деревьев. Но особое место занимал травяной (*corona graminea*), или осадный, венок (*corona obsidionalis*). Плиний Старший подчеркивает, что «не было венка почетнее травяного среди наград за славные деяния в руках самодержавного народа, властителя земель»¹.

Очевидно, было бы справедливо предположить, что для римских политиков, чья деятельность на форуме была тесно связана с военной карьерой, эта награда была самой желанной. И совершенно особую роль *corona graminea* должна была играть в легитимации власти римских полководцев I в. до н.э., стремившихся к установлению в том или ином виде единоличного режима. Не стоит и говорить о важности травяного венка для обоснования власти Августа, который сосредоточил в своих руках практически все значительные должности и награды республиканского времени.

Действительно, тот же Плиний Старший сообщает, что сенат преподнес Августу осадный венок (*NH.* XXII. 13). Казалось бы, внучатый племянник Цезаря, получив высочайшую награду, должен был не только всячески подчеркивать этот факт, но и демонстрировать связь *corona graminea* со своими особыми заслугами перед государством. Поразительно, но ничего подобного в его политическом завещании мы не встречаем: «В шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, по всеобщему согласию достигший высшей власти, я передал государственные дела из своей власти в управление сенату и римскому народу. За эти мои заслуги по решению сената я был назван Августом, также дверные косяки моего дома были официально покрыты лаврами и над моей дверью закреплен гражданский венок (*coronaque civica super ianuam meam fixa est*)» (*RGDA* 34; пер. А.Л. Смышляева). Другими словами, здесь бывший триумвир подводит итог своим заслугам, высочайшей наградой за которые служит его

¹ Plin. *NH.* XXII. 6: Corona quidem nulla fuit graminea nobilior in maiestate populi terrarum principis praemiisque gloriae. Cp. Paul. Fest. 86.15 L.

увенчание не травяным, а гражданским венком. Вызывает удивление, что ни один ученый не обратил на это внимание, притом что 34 глава «Деяний», изученная историками вдоль и поперек², является, пожалуй, самой цитируемой из всех источников по истории раннего Принципата.

Таким образом, перед нами встает вопрос о причинах отказа Августа от использования согопа *graminea* для легитимации собственной власти. Но прежде чем на него ответить, следует обратить внимание на характерные особенности и эволюцию значений травяного венка в эпоху Республики, что позволит дать более объективную оценку мотивов такого поведения первого императора.

CORONA GRAMINEA

Прежде всего нужно сказать, что данных об этом венке у нас очень мало, более того, мы даже не знаем, как он выглядел³. В. Максфилд заметила, что большая неуверенность относительно внешнего вида награды — один из прискорбных результатов того, что она прекратила свое существование в эпоху Принципата⁴. Не сохранилось ни одного изображения согопа *graminea* на монетах или в скульптуре, хотя античные авторы сообщают, что на тускуланской вилле Суллы была картина со сценой вручения ему травяного венка (Plin. *NH.* XXII. 12), а на рострах находилась статуя Юлия Цезаря, им увенчанная (Cass. Dio XLIV. 4. 5).

Все попытки идентифицировать этот венок с известными на сегодняшний день примерами согопае *militares* не выдерживают критики. Еще в конце XIX в. О. Бендорф считал, что на шлеме с личиной, найденном около немецкого местечка Беттенберге, выгравирована согопа *graminea*⁵. К его мнению присоединились Э. Сальо и Х. Фибигер⁶, однако К. Крафт вслед за П. Штайнером⁷ справедливо указывает, что это предположение ничем не обосновано, а сама гравировка никак не напоминает венок, сплетенный из стеблей травы. То же можно сказать⁸ и о венке на бронзовом шлеме из Руво-ди-Пулья (Италия), найденном в первой половине XIX в. во время раскопок О. Бонги⁹.

В свою очередь, Б. Цан думал, что «единственное надежное изображение» согопа *graminea* сохранилось на римско-италийской глиняной сковороде¹⁰, происходящей из древней Театы, главного города сабельского племени марруцинов. Но и здесь,

² См., например, Mommsen 1883, 149–152; Adcock 1951; Syme 1960, 313; Brunt, Moore 1967, 78; Belloni 1987, 142; Zanker 1988, 92–94; Scheid 2007, 82–92. Полная библиография, посвященная «Деяниям», собрана Д. Мантазиласом (Mantzilas 2014, 511–644).

³ Общие сведения о травяном венке: Fiebiger 1901, 1637; Steiner 1906, 44–47; Deubner 1933, 90; Alföldi 1952, 215–217; Büttner 1957, 159; Versnel 1970, 375–377; Weinstock 1971, 148–152; Maxfield 1981, 67–69; Guillaume-Coirier 1993, 393–395; Bergmann 2010, 112–134.

⁴ Maxfield 1981, 69.

⁵ Benndorf 1878, 23, Anm. 1, Taf. VII, XV, 2.

⁶ Saglio 1887, 1535, fig. 2007; Fiebiger 1901, 1637–1638.

⁷ Steiner 1906, 46; Kraft 1969, 16.

⁸ Steiner 1906, 46.

⁹ Bonghi 1834, 39.

¹⁰ Zahn 1909, 268, Abb. 157.

по мнению Крафта, не может быть и речи о травяном венке, так как значительный размер «травинки» делает подобное заявление чересчур уж смелым¹¹.

По осторожному предположению Г. Фурмана, есть некоторая вероятность того, что на известном рельефе, найденном в 1935 г. на Кассиевой дороге недалеко от Рима, вырезан травяной венок¹². В центре композиции изображен военачальник, который опирается одной рукой на копье, а вторую протягивает к женской фигуре, стоящей на коленях слева от него. Она, в свою очередь, удерживая копье левой рукой, правую подает полководцу. Немецкий исследователь считал, что в этой руке она якобы держала диадему. На особые военные заслуги полководца указывают подлетающая к нему слева богиня Виктория, которая увенчивает его венком (это и мог быть травяной венок), и сооруженный позади него *trapeum* с двумя связанными варварами. Изображение обрамлено с обеих сторон стенами и подъемными машинами¹³. Между тем уже С. Вейнсток отверг гипотезу Фурма-

¹¹ Kraft 1969, 16; cp. Weinstock 1971, 148, n. 6.

¹² Fuhrmann 1949, 28.

¹³ Следует отметить, что интерпретация содержания рельефа с Кассиевой дороги вызывает жаркие споры. Большинство ученых согласны, что рельеф прославляет деяния Юлия Цезаря, но расходятся в определении событий, которые иллюстрирует эта композиция. Так, Г. Фурман и принявший его точку зрения Ж.-Ш. Пикар видят здесь отзвук событий, произошедших во время луперкалий в феврале 44 г. до н.э., когда Марк Антоний пытался вручить Юлию Цезарю диадему (Fuhrmann 1949, 41–43; Picard 1957, 224). А. Альфёльди думает, что рельеф, вероятно, празднует победу Цезаря, и, соответственно, богиня Рома, стоящая на коленях, протягивает полководцу победный венок (Alföldi 1953, 26–27). С. Вейнсток справедливо указывает, что эти две интерпретации невозможны, поскольку на рельефе нет никаких следов венка, который коленопреклоненная богиня могла бы держать в руке. Английский историк осторожно предполагает, что здесь изображается стоящая на коленях перед Юлием Цезарем Ойкумена и это должно указывать на власть победоносного полководца над всем миром (Weinstock 1971, 45–50). Д. Мишель также критикует мнение Фурмана и Пикара о связи памятника с пропагандистскими мероприятиями во время луперкалий, так как для римлян было невообразимым появление коленопреклоненной богини Ромы. Она видит в композиции не подчинение, а скорее усиление божества, *resurrectio*. Изображение символизирует резкое ослабление мощи римского государства, которая теперь может окрепнуть благодаря успехам полководца (Michel 1967, 86–94). Целый ряд исследователей считают, что рельеф с Кассиевой дороги изображает статую Цезаря, воздвигнутую по решению сената в 46 г. до н.э. после победы над помпеянами при Тапсе, на базе которой, как сообщает Кассий Дион (XLIII. 14. 6; 21. 2), якобы была надпись ἡμιθεός ‘полубог’, т.е. «герой» (Nicolet 1991, 39–40; Pollini 2012, 144, fig. III. 11; Koortbojian 2013, 92, 95–96, 198). Со своей стороны, М. Доулинг полагает, что этот рельеф следует интерпретировать как иллюстрацию милосердия Цезаря либо как *restitutio* Рима (Dowling 2006, 24).

Впрочем, некоторые ученые сомневаются в том, что памятник с Кассиевой дороги имеет отношение к Юлию Цезарю. Так, Т. Шефер, соглашаясь с Д. Мишель в том, что изображение символизирует возрождение и усиление Рима, находит, что подобная тематика не принадлежала к самым важным мотивам цезарианской пропаганды. В то же время, уже начиная с Суллы, многие честолюбивые полководцы (и необязательно ключевые фигуры Поздней республики) претендовали на звание «спасителя» Рима. Но основным возражением против связи рельефа с Цезарем является его

на, так как наличие сразу двух венков вызывает большие сомнения; к тому же он не нашел никаких остатков изображения диадемы в руках коленопреклоненной богини¹⁴. Кроме того, нумизматы давно обратили внимание, что персонификация триумфа на монетах всегда увенчана зеленым лавром¹⁵, и нет никаких оснований думать, что композиция рельефа нарушает это правило.

В качестве примера ненадежной интерпретации Максфилд приводит неидентифицируемый венок, помещенный на надгробии Г. Вибия Макра, жившего в эпоху Августа, который имеет мало сходства с любой другой известной формой *corona militaris*. Во всяком случае исследовательница полагает, что он не является травяным венком и, возможно, это *corona augea*, вырезанная в весьма странной манере¹⁶.

Относительно недавно Б. Бергман выдвинула весьма спорную гипотезу, согласно которой венок Г. Юлия Цезаря, часто изображавшийся на монетах в последний год его жизни и на протяжении нескольких лет после смерти, не что иное, как *corona graminea*¹⁷. Впрочем, вопрос о венке Цезаря уже многие десятилетия является весьма дискуссионным и еще далек от своего разрешения¹⁸.

Отсутствие иконографических примеров дополняется довольно скудной письменной традицией. К сожалению, следует, по всей видимости, поддержать мнение, высказанное Л. Мерклином еще в середине XIX в., что все основные имеющиеся у нас данные о военных венках, очевидно, восходят только к одному источнику — М. Теренцию Варрону¹⁹. Действительно, Фест, Плиний Старший и Авл Геллий зачастую сообщают одни и те же подробности.

Согласно этим свидетельствам, *corona graminea* вручалась полководцу, освободившему от осады отдельные воинские части или даже целую армию²⁰, из-за чего она и называлась также осадным венком (*corona obsidionalis*)²¹. Этот венок

принадлежность к надгробному памятнику, на который он крепился и, соответственно, отмечал успехи владельца могилы (Schäfer 1988, 436). В свою очередь, Г. Хафнер вообще относит рельеф к III в. н.э. и считает, что на нем Рим чувствует Аврелиана как своего спасителя и благодарит за постройку городской стены (Hafner 1981, 31).

¹⁴ Weinstock 1971, 45–50.

¹⁵ Kraft 1969, 37, Anm. 176; ср. Weinstock 1971, 148, n. 6.

¹⁶ Maxfield 1981, 69; ср. Luschi 1994, tav. XVII, 2.

¹⁷ Bergmann 2010, 130–131. Как пример такого изображения можно привести аверс денария Публия Сепулия Макра (*RRC* 480,5b).

¹⁸ О наших возражениях точке зрения Б. Бергман и об историографической полемике, посвященной венку Цезаря, подробнее см. ниже.

¹⁹ Mercklin 1859, 3–15. М. Зельмейер ошибочно полагает, что это предположение впервые высказал Х. Фибигер (Fiebiger 1901, 1637) на страницах энциклопедии Паули — Виссоны (Sehlmeyer 1999, 233, Anm. 171).

²⁰ Plin. *NH*. XXII. 7; Gell. V. 6. 8; Fest. 208.23 L.

²¹ У Ливия — *obsidialis* (VII. 37. 2), вероятно, неточность переписчиков. См. также: Plin. *NH*. VII. 102; XXII. 7; 13; Gell. II. 11. 2; V. 6. 2; 6. 8; Fest. 208.23 L; ср. Vell. I. 12. 4; Val. Max. III. 2. 24; *De vir ill.* 17. 2; 58. 4. Я. Ле Бокк ошибочно считает, что *graminea* и *obsidionalis* — это два совершенно разных венка. Травяной венок, по его мнению, был самой простой, но вместе с тем и самой почетной наградой, которая вручалась обычным воинам, спасшим своими действиями армию либо ее часть от той или иной опасности. Тогда как осадным венком награждались полководцы, которые снимали осаду либо выводили войско из окружения (Le Bohec 1997, 341–342). Между тем, ни

сплетался из свежей травы, сорванной на месте осады²². Он считался самым древним военным венком у римлян (Plin. *NH.* XXII. 6). И хотя, безусловно, проверить утверждение Плиния Старшего нет никакой возможности, все же, по словам Максфилд²³, нет конкретных причин сомневаться в этом²⁴.

Чествование происходило самым возвышенным и торжественным образом. Сведений о нем крайне мало, так как только Тит Ливий и Плиний Старший кратко описывают две церемонии: в честь военного трибуна П. Деция Муса и в честь

один из источников не свидетельствует о подобном разделении, а Б. Бергманн справедливо указывает, что Плиний Старший (*NH.* XXII. 4. 7), на которого собственно и ссылается исследователь, совершенно отчетливо говорит *eadem vocatur obsidionalis*, т.е. «он [травяной венок] же называется и осадным» (Bergmann 2010, 255, Anm. 367, ср. Sehlmeier 1999, 233, Anm. 167).

²² Plin. *NH.* XXII. 8; Gell. V. 6. 9; Fest. 208.12–14 L; Paul. Fest. 209.4 L. Напротив, неизвестный автор *De viris illustribus* говорит, что наградой Л. Квинкцию Цинциннату и Сципиону Эмилиану был золотой осадный венок (*corona obsidionali aurea donatus*: 17. 2; 58. 4). Основываясь на этом сообщении, А. Бюттнер полагает, что в более позднее время *corona graminea*, как и другие венки, изготавливалась из металла (Büttner 1957, 127). Вейнсток считает, что между прилагательными должен стоять союз *et* (*corona aurea et obsidionali*) и что, таким образом, речь идет о вручении сразу двух венков (Weinstock 1971, 150, n. 4). Бергман обоснованно критикует эти предположения (Bergmann 2010, 113). По ее словам, нет особых оснований доверять сообщению автора трактата «О знаменитых людях», так как ему единодушно противостоят данные Плиния Старшего, Авла Геллия и Феста, согласно которым венок делали только из свежей травы. Плиний подчеркивает, что после императора Августа эту награду больше не вручали (*NH.* XXII. 13). Если же учесть свидетельства Феста, автора II в. н.э., то непонятно, какие события повлияли на изменения в материале венка к IV в. н.э., времени написания *De viris illustribus*. Мало того, у нас имеется указание Аммиана Марцеллина (XXIV. 4. 24), согласно которому к IV в. н.э. первоначальное значение осадного венка как *donum militare* было предано забвению. С другой стороны, сам трактат содержит много неточностей и ошибок в отношении венков (Bergmann 2010, 113). Например, Л. Квинкций Цинциннат, согласно лучшей письменной традиции, был награжден *corona aurea* (Liv. III. 29. 3; ср. Dionys. X. 25. 2), а не *obsidionalis* (*De vir. ill.* 17. 2). Правда, Р.М. Огилви отмечает, что переписчики Ливия могли ошибиться и в первоначальном тексте стояло *corona <I>aurea* (Ogilvie 1965, 444). П. Деций Мус, в свою очередь, получил *corona graminea* (Liv. VII. 37. 2; Plin. *NH.* XXII. 9; Fest. 208.18–19 L), а не *civica* (*De vir. ill.* 26. 3).

²³ Maxfield 1981, 67.

²⁴ В любом случае с большой долей вероятности можно предполагать, что традиция награждения пучком травы или сплетенным из нее венком, учитывая ее архаичность, восходит еще к царскому периоду, а возможно, и к индоевропейской древности (ср. Deubner 1933, 90; Guillaume-Coirier 1993, 387). В связи с этим важно, что Плиний Старший отмечает не только древность этого обычая, но и существование сходных церемоний у других индоевропейских народов: «В древности [т.е. у италиков. — *Прим. пер.*] самым явным признаком победы считалась передача побежденными [победителю] зеленого стебля. Она обозначала отказ от обладания землей, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле; этот обычай, как я знаю, до сих пор сохранился у германцев» (пер. А.И. Неусыхина; *NH.* XXII. 8: *Namque summum apud antiquos signum victoriae erat herbam porrigere victos, hoc est terra et altrice ipsa humo et humatione etiam cedere, quem morem etiam nunc durare apud Germanos scio*).

центуриона Гн. Петрея. По всей видимости, подобное мероприятие выглядело следующим образом. Консул собирал военную сходку (*advocata contione*), на которой выступал с торжественной речью, где всячески расхваливал и подчеркивал особые заслуги отличившегося военачальника и его солдат (Liv. VII. 37. 1). После этого консул одаривал виновников торжества. Полководец увенчивался золотым венком, получал различные материальные ценности, легионерам жаловалось, причем до конца службы, двойное довольствие, по две туники и прочее. Скорее всего, особенно при первых чествованиях, каждый солдат, спасший осажденных, получал в дар быка. Все это сопровождалось одобрительными дружными криками простых воинов. Вслед за консульским потоком благодеяний они же возлагали на голову полководца травяной венок (Liv. VII. 37. 1–2). В конце спаситель римского войска участвовал в проведении чрезвычайно торжественного жертвоприношения. Облачившись в претексту, с травяным венком на голове, в сопровождении консула (или консулов) он под звуки флейты приносил в жертву богу Марсу над специально установленным алтарем белого быка с золочеными рогами (Liv. VII. 37. 1; 3; Plin. *NH.* XXII. 9; 11). Выбор такого жертвенного животного был неслучаен и подчеркивал возвышенный характер этой церемонии²⁵. Белая масть считалась редкой, а быка выбирали как самое большое животное²⁶.

Наивысший авторитет и чрезвычайную значимость *corona graminea* придавало то, что она устанавливала особые взаимоотношения между спасенными и их спасителем, которого, согласно римским обычаям, они были обязаны почитать как отца²⁷. Такие условия вели к тому, что лишь немногие воины желали вручения *corona graminea*, а, следовательно, и попадания в зависимость от удачливого полководца или командующего (и пополнения его клиентелы). Поэтому

²⁵ Из сообщения Плиния Старшего (*NH.* XXII. 9) о Деции, который будто бы принес в жертву, кроме белого быка, еще и сто рыжих, заманчиво сделать вывод, что спасителю римского войска предоставляли сто быков для проведения особого жертвоприношения — гекатомбы. Однако Тит Ливий (VII. 37. 3) говорит, что это Деций подарил солдатам сто быков, а сам Плиний (*NH.* XXII. 11) чуть ниже отмечает, что для церемонии в честь Гн. Петрея был сооружен небольшой алтарь (*foculus*). Очевидно, что в рассказ Плиния вкралась ошибка, и говорить о гекатомбе в связи с травяным венком не приходится.

²⁶ До определенного времени римляне так и считали, на что однозначно указывает Варрон. Показательно, что, столкнувшись в Лукании со слонами в войске Пирра, они стали их называть «луканскими быками» (Varr. *LL.* VII. 39; ср. Plaut. *Cas.* 846; Isid. *Etym.* XII. 2. 14).

²⁷ Прямо источники об этом не говорят. Однако ввиду того что в случае с *corona civica* спасенный был обязан относиться к спасителю как к отцу, а единственное различие между *civica* и *graminea* заключалось в том, что «одна была знаком сохранения жизни одного [гражданина, тогда как] другая — множества спасенных граждан» (*altera singularis salutis signum est; altera diversorum civium servatorum*: Fest. 208.24–25 L), причем травяной венок предоставлял более высокую честь, можно полагать, что последний также подразумевал титул «отца» для спасителя (см. Steiner 1906, 45; Alföldi 1952, 216; Bergmann 2010, 225, Anm. 371). Косвенно это подтверждает и Плиний, уточняя, что *corona graminea* была вручена Кв. Фабию Кунктатору после изгнания Ганнибала из Италии, а не когда он выручил войско М. Минуция Руфа: «Тогда почли за лучшее увенчать его новым именем “отца”, как называли его те, кого он спас» (*tunc satius fuit nomine novo coronari appellatum patrem ab his quos servaverat*: *NH.* XXII. 10).

неудивительно, что за всю историю Рима травяной венки получили менее десяти человек, особенно если учесть, насколько редко вообще возникала ситуация, при которой войско или его часть оказывалось в окружении²⁸.

Плиний перечисляет всего восемь полководцев, которые, насколько известно ему, получили эту награду, и заявляет, что больше никто до его времени ее не удостоивался (*NH.* XXII. 5–6). Свидетельства других авторов полностью согласуются с Плинием, за исключением данных автора *De viris illustribus* о Луции Квинкций Цинциннате и Кассия Диона о Гае Юлии Цезаре, которые будто бы также были награждены травяным венком.

Л. Квинкий Цинциннат, диктатор 458 г. до н.э.	<i>De vir. ill.</i> 17. 2
Л. Сикций (или Сициний) Дентат до 450/449 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 9; cp. VII. 102; Val. Max. III. 2. 24; Gell. II. 11. 2; Fest. 208.23 L
П. Деций Мус, военный трибун 343 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 9; Liv. VII. 37. 2; Fest. 208.17–19 L
М. Кальпурний Фламма, военный трибун 258 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 11
Кв. Фабий Максим Веррукоз Кунктатор, диктатор 203 (?) г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 10; Gell. V. 6. 10
П. Корнелий Сципион Эмилиан, военный трибун 149 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 13; Vell. I. 12. 4; <i>De vir. ill.</i> 58. 4
Гн. Петрей, центурион 101 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 11
Л. Корнелий Сулла, легат 89 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 12
Г. Юлий Цезарь, диктатор 45 г. до н.э.	Cass. Dio XLIV. 4. 5
Август 30 г. до н.э.	Plin. <i>NH.</i> XXII. 13

Первые два имени вызывают большие сомнения, так как сообщения источников о получении *corona graminea* Цинциннатом и Сикцием Дентатом явно легендарны²⁹. Вручение этой награды Дециму Мусу также вызывает некоторые вопро-

²⁸ Maxfield 1981, 68.

²⁹ Cp. Steiner 1906, 47; Weinstock 1971, 148–149; Bergmann 2010, 131, Anm. 486–487. Очевидно, столь знаменитые римляне в глазах их потомков не могли быть не награждены столь значительной наградой. Тем более что Цинциннат спас от окружения римский лагерь и был за это награжден золотым венком (Liv. III. 29. 3; cp. Dionys. X. 25. 2). А Сикций Дентат за свои небывалые подвиги на полях сражений и вовсе получил прозвище «римский Ахилл» (Gell. II. 11. 1; Fest. 208.19–20 L; cp. Liv. III. 43). Он якобы принял участие в 120 битвах и 80 поединках, в которых был ранен 45 раз. За боевые заслуги он, кроме осадного венка, получил 18 почетных копий (*hastae purae*), 25 фалер, 83 ожерелья (*torques*), более 160 браслетов (*armillae*), 14 гражданских, 8 золотых и три стальных венка (Dionys. X. 36–37; XI. 25. 2; Plin. *NH.* VII. 101–102; XXII. 9; Val. Max. III. 2. 24; Gell. II. 11. 2; Fest. 208.20–23 L). Однако В. Максфилд, как и Ж. Гийом-Куарье, по всей

сы³⁰, однако многие исследователи полагают, что его награждение — это исторический факт³¹. В любом случае можно отметить, что первые подробности того, как проходила церемония передачи травяного венка, упоминаются Титом Ливием и Плинием Старшим именно в связи с историей Децима Муса (Liv. VII. 37. 2; Plin. *NH.* XXII. 9)³².

Историчность получения согона *graminea* военным трибуном Кальпурнием Фламмой в 258 г. до н.э. современные исследователи под сомнение не ставят³³. Он был удостоен подобной награды за спасение консульской армии под командованием Авла Атилия Калатина, попавшей в окружение неподалеку от сицилийского города Камарины во время Первой Пунической войны. Фламма во главе отряда из 300 человек пошел на прорыв и отвлек врага на себя, тем самым позволив римскому войску выйти на безопасную позицию (Liv. XXII. 60. 11; *Per.* 17; Sen. *Epist.* LXXXII. 22; Flor. I. 18. 13–14; Gell. III. 7; Ampel. 20. 5; Oros. IV. 8. 2; *De vir. ill.* 39. 3–4; Zonar. VIII. 12).

Следующим в списке награжденных идет Фабий Максим Кунктатор. Обстоятельства вручения ему травяного венка были необычными и выходили за рамки римской традиции. Знаменитый полководец, по сообщениям античных авторов, получил согона *graminea* в самом конце Второй Пунической войны из рук сената и народного собрания³⁴ за то, что спас римское государство от грозящей ему опасности³⁵.

В итоге мнения ученых об историчности награждения Фабия разделились. Часть из них относится к литературным источникам с доверием³⁶, другая ставит под сомнение факт того, что такие чествования состоялись. Так, Ф. Мюнцер

видимости, склонны доверять литературной традиции и допускают, что Сикций Дентат действительно мог быть награжден осадным венком (см. Maxfield 1981, 68; Guillaume-Coirier 1993, 400).

³⁰ См. Steiner 1906, 47; Bergmann 2010, 131–132. Э.Т. Сэлмон полагает, что Плиний заимствовал рассказ о Деции из «Анналов» Энния, который, возможно, и был автором легенды о подвиге отважного военачальника (Salmon 1967, 196, п. 3).

³¹ Münzer 1901, 2279; Weinstock 1971, 149; Maxfield 1981, 68; Guillaume-Coirier 1993, 390.

³² В этой связи Максфилд замечает, что сообщения о Деции обладают большой ценностью, так как показывают взгляды римлян эпохи Августа на традицию IV в. до н.э. (Maxfield 1981, 276–277, п. 3).

³³ Штайнер в своем списке ошибочно указывает не военного трибуна Марка Кальпурния Фламму, служившего под началом консула Гая Атилия Калатина во времена Первой Пунической войны, а его полного тезку, как будто бы участвовавшего в подавлении восстания рабов на Сицилии в 103–99 гг. до н.э. (Steiner 1906, 46). Между тем подобных сведений в источниках мы не нашли.

³⁴ Плиний делает удивительную оговорку: «Этот венок до сих пор остается единственным, возложенным руками самого государства» (*quae corona adhuc sola ipsius imperii manibus inposita est: NH.* XXII. 10), — хотя такая же процедура вручения согона *graminea* была как будто устроена и для Цезаря, и для Августа. Тогда получается, что либо Цезарь и Август не получали венка, либо эти награждения считались нелегитимными.

³⁵ Plin. *NH.* XXII. 10: *Data est et a senatu populoque Romano... Fabio illi qui rem omnem Romanam restituit non pugnando.* У Авла Геллия формулировка несколько отличается: «за то, что освободил город Рим от осады врагов» (*quod urbem Romam obsidione hostium liberasset: Gell.* V. 6. 10).

³⁶ Maxfield 1981, 68; Guillaume-Coirier 1993, 400; Bergmann 2010, 132–133, 189–190.

в пассажах о награждении Фабия *quod urbem Romam obsidione hostium liberasset* (Gell. V. 6. 10) и *Hannibale Italia pulso* (Plin. *NH.* XXII. 10) видит возможные заимствования из Энния, вероятно, через Варрона. При этом все почести, приписываемые Фабию, напоминают почести императора Августа; именно поэтому сообщения античных авторов следует принимать с большой осторожностью³⁷. Штайнер также полагал, что сообщения о вручении Фабию Кунктатору травяного венка относятся к области мифотворчества³⁸.

В свою очередь, Вейнсток обратил внимание на события 217 г. до н.э., когда Фабий спас войско начальника конницы (или содиктатора) М. Минуция Руфа, но был почтен только именем *pater*, а венка не получил (Polyb. III. 104–105; Liv. XXII. 28–30; Val. Max. V. 2. 4; Plin. *NH.* XXII. 10; Plut. *Fab.* 11–13; App. *Hann.* 13; Cass. Dio XIV. 19; *De vir. ill.* 43. 3). Согласно его гипотезе, этот рассказ первоначально все же описывал награждение Фабия *corona graminea* и был хронологически более ранним, в отличие от сообщения о награждении сенатом и народным собранием, являвшегося более поздней версией чествования полководца. При этом легенду о вручении травяного венка войском Минуция создали Фабий Пиктор и Энний³⁹, поскольку Полибий (III. 104–105) об этом ничего не сообщает. В то же время поздняя версия, возможно, была изобретена не после смерти Фабия Кунктатора как результат политической борьбы, а дальним потомком Фабием Максимом, консулом-суффектом 45 г. до н.э.⁴⁰ В итоге в более ранней версии рассказ о венке был изъят и сохранен только в поздней⁴¹.

Мы полагаем, что нет никаких причин отвергать данные источников о награждении Фабия Кунктатора венком в конце войны с Ганнибалом. Отказ от вручения венка во время событий 217 г. до н.э. вполне компенсировался дарованием ему титула *pater*, который, учитывая специфику патрон-клиентских отношений в Риме, имел довольно большие политические преимущества⁴².

В то же время чествование Фабия *corona graminea* сенатом и народным собранием следует рассматривать в рамках политической борьбы в эпоху Второй Пунической войны. Тит Ливий сохранил прямые указания на противостояние

³⁷ Münzer 1909, 1829.

³⁸ Steiner 1906, 47.

³⁹ Ср. Enn. *Ann.* XII. 363 Skutsch: *Unus homo nobis cunctando restituit rem.* — «Один человек своим промедлением восстановил для нас все».

⁴⁰ Кв. Фабий Максим был курульным эдилом в 57, претором в 48 и консулом, заместившим Юлия Цезаря, в 45 г. до н.э. (*MRR* II, 304–305). В качестве эдила он восстановил *forix Fabianus* (*ILS* 43a; ср. Cic. *Vat.* 28) — почетную арку, воздвигнутую его дедом Кв. Фабием Максимом Аллоброгом в честь его победы над племенем аллоброгов в 121 г. до н.э. На этой арке были помещены статуи его знаменитых предков: Л. Эмилия Павла, победителя Персея, и младшего Сципиона Африканского (*ILS* 43). Вейнсток предполагает, что внук Аллоброгика во время реставрации 57 г. добавил статую Фабия Максима Кунктатора с травяным венком на голове с соответствующей подписью, создавая таким образом новую легенду. Она была принята и даже, возможно, расширена Варроном, источником Плиния Старшего и Авла Геллия, но не историками, так как Ливий в своем рассказе сохранил более раннюю версию (Weinstock 1971, 152).

⁴¹ Weinstock 1971, 149–152. Критику точки зрения Вейнстока см. Bergmann 2010, 133.

⁴² См. Alföldi 1952, 210.

Фабия Кунктатора и Сципиона Африканского (Liv. XXVIII. 40–44), а Плутарх без обиняков говорит о ненависти Фабия к Сципиону (*Cat. mai.* 3). Конфликт между группировками Фабиев и Корнелиев имел довольно значительные масштабы и проявлялся в том числе в рамках самопрезентации аристократических родов. По-видимому, спор шел о том, кто был настоящим победителем Ганнибала (ср. Polyb. XXIII. 14)⁴³. В частности, Энний называл Сципиона *invictus* и надеялся, что за его подвиги он будет удостоен статуи и почетной колонны⁴⁴. Известно, что в Риме праздновали годовщины его победы при Заме (Liv. XXXVIII. 51. 7–13; App. *Syr.* 40; Gell. IV.18. 3–5). В свою очередь, после захвата Тарента в Риме была установлена бронзовая конная статуя Фабия Кунктатора (Plut. *Fab.* 22). Вручение травяного венка вопреки традиции сенатом и народным собранием вполне укладывается в рамки противостояния двух крупнейших сенатских группировок на рубеже III–II в. до н.э.⁴⁵ Впрочем, для нас важно другое: в результате политической борьбы *corona graminea* стала рассматриваться не как *summum donum militare*, а как высшая *государственная награда* для выдающихся полководцев, что сыграет важную роль в истории этого венка во второй половине I в. до н.э.

⁴³ Вплоть до своей смерти в 208 г. до н.э. главным политическим соперником Фабия Максима был «меч Рима» М. Клавдий Марцелл. Борьба между ними в конце концов свелась к получению первого триумфа в Ганнибаловой войне; подробнее об этом противостоянии см. McDonnell 2006, 212–240; Dart, Vervaeke 2014, 59–60; Vervaeke 2017, 93–95.

⁴⁴ Enn. *Var.* 1–3 Vahlen: *Quantam statuem faciet populus Romanus, / Quantam columnam quae res tuas gestas loquatur. / Scipio invictus...* — «Какую статую народ установит римский, / Какую колонну, что подвиги воспоеет твои. / О, Сципион непобедимый...»; ср. Cic. *Rep.* VI. 9.

⁴⁵ Вейнсток допускал возможность того, что легенда о вручении *corona graminea* могла быть создана вскоре после смерти Фабия Кунктатора в 203 г. Это могло быть оправдано попыткой представителей рода Фабиев противопоставить заявлениям Сципиона, что героем Второй Пунической войны и спасителем Рима был он, утверждение о том, что именно эпизод 217 г. до н.э. с Минуцием стал поворотным пунктом в войне: спасая войско Минуция, Фабий тем самым спас Рим. Однако, по мнению английского исследователя, вероятность этого крайне мала: противоречия между двумя знаменитыми родами прекратились к тому времени, когда они стали союзниками и каждый из них принял сыновей Л. Эмилия Павла, которые позднее были изображены на *fornix Fabianus* (Weinstock 1971, 151; см. выше, прим. 40).

Между тем предположение Вейнстока имеет довольно зыбкие основания. Во-первых, конкуренция между Фабиями и Корнелиями Сципионами длилась относительно долгое время и продолжалась даже после смерти Кунктатора, достаточно вспомнить знаменитые сципионовские процессы 180-х годов. Во-вторых, политики конца III в. до н.э. вряд ли могли знать, что случится через много лет. Кроме того, преобладание одного рода или союза родов в Риме продолжалось от силы несколько десятилетий, после чего сходило на нет. Возвышались другие семьи, создавались другие столь же неустойчивые коалиции. Естественно, что в таких условиях давняя вражда уже не имела смысла и не препятствовала созданию новых союзов. При этом многие роды постепенно вырождались, как это, например, случилось во II в. до н.э. с Фабиями (подробнее о борьбе за власть внутри нобилитета см. Hölkeskamp 2006 с предыдущей историографией). Все это позволяет нам вполне доверять литературной традиции, и поэтому нет большой необходимости сомневаться в историчности награждения Фабия Кунктатора травяным венком и создавать гипотезы о возникновении легенды *post factum*.

Относительно точки зрения Мюнцера, призывавшего относиться с осторожностью к данным источников о почестях для Фабия Кунктатора, так как они напоминают праздничные церемонии в честь Августа, следует сказать, что, на наш взгляд, эту проблему необходимо рассматривать под другим углом. Мы полагаем, что сторонники первого императора сознательно их копировали, желая представить того в качестве своеобразного наследника древнего полководца и его заслуг. Аппиан сохранил любопытное замечание о том, что Август ставил в пример именно Фабия и в военном искусстве старался ему подражать⁴⁶. Среди прочих статуй *summi viri*, установленных на форуме Августа⁴⁷, находилась и статуя Фабия Максима с элогием в его честь (*CIL* I² p. 193 No. 12). Так вот, в расширенной версии этого элогия из Арреция о Фабии говорится следующее: *dux aetatis suae cautissimus et re[i] militaris peritissimus habitus est* (*ILS* 56)⁴⁸.

Кроме того, Октавиан, так же как и Фабий, получил травяной венок из рук сената и народного собрания. Древний полководец, как мы уже упоминали, был награжден за то, что *rem omnem Romanam restituit* (Plin. *NH.* XXII. 10). Это, собственно, парафраза стиха Энния, посвященного Фабию: *unus homo nobis cunctando restituit rem*. И он имеет вполне очевидные коннотации с пропагандистскими мероприятиями Августа, стремившегося показать себя как *restitutor et conservator rei publicae*⁴⁹.

Плиний подчеркивает особую торжественность вручения *corona graminea* Фабию, заявляя, что она единственная, данная ему от лица всей Италии: *sola a tota Italia data* (*NH.* XXII. 10). Выражение *tota Italia* можно встретить и у Августа, который в своем завещании заявляет, что вся Италия поклялась ему в верности: *iuravit in mea verba tota Italia* (*RGDA* 25. 2).

То, что вручение *corona graminea* Фабию Максиму выходило за рамки римских традиций, показывает дальнейшая история, связанная с награждением этим венком Сципиона Эмилиана⁵⁰ и центуриона Гн. Петрея. Оба они получили венок как *donum militare* на поле боя согласно всем правилам. Плиний со слов Варрона передает, что Сципиона наградили осадным венком в 149 г. до н.э. во время осады Карфагена за то, что он, будучи военным трибуном, спас три когорты (Plin. *NH.* XXII. 13; см. также: Vell. I. 12, 4; *De vir. ill.* 58. 4). Весьма примечательно, что Август на своем форуме поместил статую Сципиона с надписью, сообщавшей об этом деянии (Plin. *NH.* XXII. 13)⁵¹. *Primus pilus* Гн. Петрей во время войны

⁴⁶ App. *Hann.* 13: «Фабий... считал, что для вступления в битву с человеком, который является мастером военного дела, есть одно только обстоятельство: необходимость. Об этом впоследствии часто вспоминал Август, который и сам не любил быстро решаться на сражения, предпочитая пользоваться скорее искусством, чем смелостью» (пер. С.П. Кондратьева).

⁴⁷ Подробнее о размещенных на форуме Августа статуях знаменитых римлян и сопроводивших их элогиях, а также об их идеологической нагрузке см., например, Sage 1979; Zanker 1988, 194–215; Rodriguez 1989, 188–212; Luce 1990; Judge 2008.

⁴⁸ «Его считали самым осмотрительным и самым сведущим в военном деле полководцем своего времени».

⁴⁹ Ср. Münzer 1909, 1829; о *restitutio rei publicae* Августа подробнее см. Tokarev 2011, 127–145.

⁵⁰ Штайнер полагал, что вручение травяного венка Сципиону Эмилиану – первое документальное свидетельство о *corona obsidionalis*, которое нельзя оспорить (Steiner 1906, 47).

⁵¹ Элогий в честь Сципиона не сохранился.

с кимврами в 101 г. до н.э. собственноручно убил нерешительного военного трибуна, командовавшего легионом, и смог вывести солдат из окружения, за что удостоился высочайшей чести (Plin. *NH.* XXII. 11)⁵².

Такая своеобразная попытка восстановить традиции награждения согопа *graminea* закончилась неудачей, так как всего через дюжину лет престижу этой награды был нанесен серьезный ущерб. Во время Союзнической войны в 89 г. до н.э. Сулла в качестве легата, по сути, узурпировал травяной венок⁵³. В битве под Нолой будущий диктатор наголову разгромил войска италиков под командованием Луция Клуенция (Cic. *Div.* I. 72; II. 65; Liv. *Per.* 75; App. *BC.* I. 50. 218–220; Val. Max. I. 6, 4; Eutr. *Brev.* V. 3. 3), за что, вероятно, его армия и увенчала венком. Современные исследователи совершенно справедливо отмечают, что Сулла скорее всего сам инициировал это награждение, желая вызвать в памяти у современников подвиги легендарного полководца Публия Деция Муса, также сражавшегося против самнитов, и казаться наследником его славы⁵⁴. Такое поведение не осталось незамеченным и провоцировало негативное отношение, однако еще больший гнев его потомков вызывала возможная ассоциация согопа *graminea*, вручавшейся за спасение римских воинов, с кровавыми проскрипциями, устроенными Суллой. Об этом недвусмысленно говорит крайне эмоциональный комментарий Плиния, который, по всей видимости, отчасти сомневался в том, что это награждение действительно состоялось⁵⁵.

После Суллы травяной венок как *donum militare* больше никогда не вручался. Новый удар по его престижу был нанесен в результате политических интриг в 60-е годы I в. до н.э. В декабре 63 г. в сенате бывший цензор Л. Геллий Публикола предложил наградить Цицерона, раскрывшего заговор Катилины, гражданским венком (Cic. *Pis.* 6; Gell. V. 6. 15). Как известно, гражданский (или дубовый) венок даровался на поле боя за спасение жизни одного гражданина — *ob civem servatum* (Polyb. VI. 39. 6–8; Plin. *NH.* XVI. 7–8; 11–14; Gell. V. 6. 11–15; Plut. *Cor.* 3; *Quaest.*

⁵² Подробнее об этих событиях см. Korolenkov 2009, 218.

⁵³ Plin. *NH.* XXII. 12: *Scripsit et Sulla dictator ab exercitu se quoque donatum apud Nola legatum bello Marsico, idque etiam in villa sua Tusculana, quae fuit postea Ciceronis, pinxit.* — «И диктатор Сулла написал, что и его [этим венком] наградило войско у Нолы, когда он был легатом во время Марсийской войны, и он даже велел изобразить эту сцену на своей Тускуланской вилле, которая позднее принадлежала Цицерону». См. также комментарий Кр. Смита к *FRHist* 22 F 16 (Cornell *et al.* 2013, 295).

⁵⁴ Fröhlich 1900, 1530; Weinstock 1971, 149; Korolenkov, Smykov 2007, 162–163.

⁵⁵ Plin. *NH.* XXII. 12: *Quod si verum est, hoc execrabiliorem eum dixerim, quandoquidem eam capiti suo proscriptione sua ipse detraxit, tanto paucioribus civium servatis quam postea occisis. Addat etiamnum huic gloriae superbum cognomen Felicem, ipse tamen obsessis in toto orbe proscriptis hac corona Sertorio cessit* («Если это правда, то мне следовало бы назвать его тем более заслуживающим проклятия, поскольку он своими проскрипциями сам сорвал венок со своей головы: настолько меньше было число спасенных им граждан, чем позднее убитых. А еще он позволил себе прибавить к этой славе горделивое прозвище “Феликс”, но все же он сам уступил этот венок Серторию, когда по всему миру начал преследовать проскрибированных»).

Rom. 92; *Fest.* 208.24 L; *Paul. Fest.* 37.20 L; 209.5 L; *Serv. Aen.* VI. 772 Thilo)⁵⁶. Однако Цицерону намеревались вручить *corona civica ob cives servatos*, т.е. венок за спасение всех граждан⁵⁷, что давало бы обладателю данного венка титул отца отечества и таким образом устанавливало отеческую власть над всеми гражданами⁵⁸. Другими словами, статус дубового венка резко повысился, и он, так же как и травяной венок во времена Фабия Максима, стал рассматриваться не как военная, а как государственная награда⁵⁹.

Согласно сообщению Кассия Диона, Юлий Цезарь в 45 г. до н.э. получил травяной венок из рук сената и народного собрания (XLIV. 4. 5), возможно, подражая истории с Фабием Максимом. Однако этот вопрос требует более пристального рассмотрения, и мы обратимся к нему чуть ниже в связи с критикой гипотезы Бергман о причинах отказа Августа от *corona graminea*.

Последний⁶⁰, кто был награжден травяным венком, — Октавиан. Плиний сообщает, что сенат преподнес ему венок в качестве государственной награды

⁵⁶ Общие сведения о гражданском венке: Fiebiger 1901, 1639–1640; Steiner 1906, 40–44; Büttner 1957, 157–158; Weinstock 1971, 163–167; Maxfield 1981, 70–74; Guillaume-Coirier 1993, 390–393; Bergmann 2010, 135–188.

⁵⁷ По всей видимости, это предложение не было поддержано в сенате, и инициатива так и осталась нереализованной (подробнее см. Bergmann 2010, 195). Впрочем, в дальнейшем именно таким венком был награжден Юлий Цезарь в 45 г. до н.э. (*App. BC.* II. 106. 441; *Cass. Dio* XLIV. 4. 5), а позднее, в 27 г. до н.э., император Август (*RGDA* 34; *CIL* I² p. 231; *Ovid. Met.* I. 562–563; *Fast.* IV. 953–954; *Trist.* III. 1. 47; *Plin. NH.* XVI. 7; *Cass. Dio* LIII. 16. 4). Следует полностью поддержать мнение, что первоначально верхушка сената, опасаясь волнений в Риме, решила наградить Цицерона высшей наградой. Но так как консул 63 г. до н.э. не был военным, он не имел права на *corona graminea*, поэтому, собственно, и была изобретена новая награда на основе *corona civica*, которая получила новое значение и была как бы гражданским вариантом травяного венка. Свою роль, несомненно, сыграл пример с награждением сенатом Фабия Максима *corona graminea* (Bergmann 2010, 193, *Anm.* 696).

⁵⁸ О связи *corona civica ob cives servatos* с титулом *pater patriae* см. детальное исследование Alföldi 1952, 209–215.

⁵⁹ До этого дубовый венок как *donum militare* ценился ниже, чем осадный; см. *Fest.* 208.23–25 L: *Inter obsidionalem et civicam hoc interesse quod altera singularis salutis signum est; altera diversorum civium servatorum.* — «Между осадным и гражданским [венками] разница заключается в том, что один был знаком сохранения жизни одного, а другой — множества спасенных граждан». Ср. *Paul. Fest.* 209.5 L.

⁶⁰ Плиний особо подчеркивает: «После этого мы не находим никого, кто был бы одарен осадным венком» (*Plin. NH.* XXII. 13). Впрочем, из сообщения Аммиана Марцелина мы узнаём, что император Юлиан Отступник сделал попытку возродить обычай награждения *corona obsidionalis* в 363 г. во время осады города Майозамальха в Месопотамии. Однако в середине IV в. н.э. об осадном венке практически ничего не знали, и его явно спутали со стенным венком (*corona muralis*), вручавшимся тому, кто первый взойдет на стену осажденного города. Собственно, историк пишет, что «были отмечены те, кто проявил наибольшую храбрость, им вручили осадные венки и на сходке по древнему обычаю воздали похвалу» (*enituerunt hi, qui fecere fortissime, obsidionalibus coronis donati et pro contione laudati veterum more: Amm. Marc.* XXIV. 4. 24).

13 сентября 30 г. до н.э.⁶¹ Однако уже через три года Август объявил, что наивысшей наградой для него является гражданский венок, ни словом не обмолвившись о *corona graminea* (RGDA 34). Почему же это произошло?

МОТИВЫ ОТКАЗА АВГУСТА ОТ CORONA GRAMINEA

В своей монографии, вышедшей в 2010 г., Б. Бергман впервые предприняла попытку ответить на вопрос о мотивах отказа Августа от травяного венка. Она полагает, что венок Г. Юлия Цезаря, часто изображавшийся на монетах в последний год его жизни и на протяжении нескольких лет после смерти, не что иное, как *corona graminea*. Исследовательница предположила, что отказ Октавиана от травяного венка был связан с прямой ассоциацией последнего с личностью Цезаря. Многочисленные изображения диктатора в этом венке, по ее мнению, говорят о его решении сделать *corona graminea* одной из регалий своей власти. В свою очередь, Август, проводивший более осторожную политику, демонстративно стал использовать *corona civica*, чтобы никому не казалось, что он стремится к царской власти⁶².

Это построение, на наш взгляд, вызывает большие сомнения.

Во-первых, на сегодняшний день нет веских оснований утверждать, что «венки Цезаря» — это *corona graminea*. В историографии на сей счет существуют различные точки зрения. Так, если широко распространенное в первой половине XX в. мнение о том, что это лавровый венок⁶³, сейчас признано устаревшим⁶⁴, а гипотеза С.Л. Чезано⁶⁵, видевшей в *corona Caesaris* миртовый венок, справедливо критикуется за отсутствие веских доказательств⁶⁶, то выводы К. Крафта, что Цезарь носил этрусский золотой венок⁶⁷, с оговорками принимаются многими современными специалистами⁶⁸, хотя и у этой точки зрения есть свои слабые стороны⁶⁹. Например, М. Кроуфорд отказывается видеть в этом золотом украшении Цезаря этрусский венок, однако в конечном счете приходит к выводу, что это особый триумфальный золотой венок, который ранее был вручен Гн. Помпею Магнусу (Vell. II. 40. 4), а триумфальный венок, как известно, был заимствован римлянами из той же Этрурии⁷⁰. А. Альфельди по-своему исправляет Крафта, отмечая, что это была не *corona aurea etrusca*, а особый золотой венок архаизированно-

⁶¹ Augustum M. Cicerone filio consule idibus Septembribus senatus obsidionali donavit (Plin. NH. XXII. 13). Об этом, по всей видимости, говорит и Кассий Дион, упоминая, что после битвы при Акции Октавиану «в большом числе были дополнительно назначены венки и молебствия» (Cass. Dio LI. 19. 5; пер. А.В. Махлаюка).

⁶² Bergmann 2010, 130–131, 201–205.

⁶³ См., например, Cohen 1880, 14; Babelon 1886, 20; Grueber 1910, 542; Meyer 1922, 446; Adcock 1932, 722; Sydenham 1952, 176; Alföldi 1953, 9. Некоторые нумизматы продолжают придерживаться этого мнения: например, Sutherland 1987, 2.

⁶⁴ Kraft 1969, 13–16; Bergmann 2010, 123–124.

⁶⁵ Cesano 1950, 147–149.

⁶⁶ Kraft 1969, 14–16; Bergmann 2010, 123.

⁶⁷ Kraft 1969, 20.

⁶⁸ См., например, Carson 1956, 184; Gelzer 1968, 293; Weinstock 1971, 272, n. 10; Crawford 1974, 488, n. 1; Alföldi 1985, 152–157.

⁶⁹ Crawford 1974, 488, n. 1; Bergmann 2010, 126–130.

⁷⁰ Crawford 1974, 488, n. 1.

этрусского стиля⁷¹. Тем не менее, как справедливо отметил французский нумизмат П. Бастьен, «венки Цезаря в монетной чеканке 44 г. до н.э., к сожалению, еще не открыл своей тайны, и различные предложенные интерпретации остаются весьма спорными»⁷².

Во-вторых, возникает вопрос, почему о Юлии Цезаре ничего не говорит Плиний, который утверждает, что приводит полный список тех, кто удостоился *corona graminea*, но имени Цезаря в нем нет⁷³. Можно было бы предположить, что последний не был включен в него из-за желания сделать этот венки атрибутом царской власти, к которой тот якобы стремился. Однако Плиний не только упоминает увенчание Суллы, но как раз таки подчеркивает свое негативное отношение к этому. Поэтому то, что Плиний ничего не говорит о Цезаре, вызывает большое удивление, особенно если принять во внимание тезис Бергман о широком распространении изображений *corona graminea* на монетах и вполне определенной ассоциации этого венка с личностью диктатора⁷⁴.

Нужно сказать, что и Аппиан не упоминает о травяном венке Цезаря, хотя перечисляет многочисленные почести, дарованные полководцу после битвы при Мунде в 45 г.⁷⁵ При этом историк специально выделяет из «разнообразных украшений» над его изображениями именно *corona civica ob cives servatos* (στέφανος ἐκ δρυὸς ὡς σωτῆρι τῆς πατρίδος), которую позднее вместо *corona graminea* примет Август, чтобы, согласно Бергман, не походить на Цезаря.

Собственно, о вручении приемному отцу Октавиана травяного венка мы узнаём только из сообщения Кассия Диона: по решению сената на роствах были

⁷¹ Alföldi 1985, 157.

⁷² Bastien 1992, 63.

⁷³ Ср. Sehlmeier 1999, 233, Anm. 171; Koortbojian 2013, 262, n. 45.

⁷⁴ Koortbojian 2013, 120 также выражает удивление, что древние авторы (Плиний Старший, Авл Геллий и Фест), рассказывающие о травяном венке, никогда не упоминают о венке Цезаря. Пытаясь поддержать гипотезу Бергман, исследователь предполагает, что, весьма вероятно, объяснение кроется в утраченной работе Варрона, которая, очевидно, послужила основным источником для более поздних авторов и была написана до появления чеканки Цезаря и широкой известности его *corona graminea*.

⁷⁵ App. BC. II. 106: «Угождали ему безмерно, и были оказаны все почести, даже сверхчеловеческие: во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения, устраивали в честь его воинские игры во всех трибах и провинциях, у всех царей, которые состояли с Римом в дружбе. Над его изображениями делались разнообразные украшения; на некоторых из них был венки из дубовой листвы как спасителю отечества (στέφανος ἐκ δρυὸς ὡς σωτῆρι τῆς πατρίδος), символ, которым издревле чтили спасенных своих защитников. Его нарекли отцом отечества (πατὴρ πατρίδος) и выбрали пожизненным диктатором и консулом на десять лет; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятий государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Цезаря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него молебствия и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его рождения месяц Квинтилий был переименован в Иулий. Было также постановлено посвятить ему наподобие божества множество храмов» (пер. М.С. Альтмана).

установлены две статуи, одна из которых представляла Цезаря как спасителя граждан, а другая — как освободителя города от осады; их украсили соответствующими венками⁷⁶. Не доверять сообщению Кассия Диона особых оснований у нас нет, и современные ученые полностью принимают его⁷⁷. Однако никто из античных авторов об этом чествовании больше не упоминает. В данном отрывке смущает факт вручения Цезарю двух, по сути, сходных венков, их различие заключалось в том, что *corona civica ob cives servatos* была гражданским вариантом *corona graminea*⁷⁸. И в таком случае вообще можно задаться вопросом, а было ли само награждение *corona graminea*, притом что Аппиан, как было сказано выше, особо подчеркивает увенчание Цезаря гражданским венком. Впрочем, это тема требует отдельного исследования.

В-третьих, нужно иметь в виду факт использования Цезарем различных венков. Всего он получил четыре разных венка, включая *corona graminea*. В частности, Светоний (*Iul.* 45. 2) упоминает, что Гай Юлий нередко носил *corona laurea*, опять-таки более подходившую для победоносного полководца, справившего несколько триумфов и вообще имевшего по решению сената *ius laureae coronae perpetuo gestandae*⁷⁹. По-видимому, опираясь на этот декрет, Кассий Дион и вовсе утверждает, что в последние годы жизни Цезарь всегда и везде был увенчан лавровым венком⁸⁰.

Важную роль в судьбе диктатора сыграл и дубовый, или гражданский, венок. Цезарь был награжден *corona civica* еще в 80 г. до н.э. в начале своей военной карьеры М. Минуцием Термом после осады малоазийского города Митилены (*Suet. Iul.* 2). Однако в годы гражданской войны он стал использовать дубовый венок вне военного контекста, а именно как ту самую *corona civica ob cives servatos*, на которую в свое время претендовал Цицерон. Альфёльди обратил внимание на то, что во время противостояния с Помпеем Цезарь в рамках политики *clementia*⁸¹ сделал ее символом своего милосердия по отношению к римским гражданам. Знаменитый ученый совершенно справедливо идентифицировал изображение увенчанной дубовым венком головы неизвестной богини на аверсах некоторых денариев и ауреусов как богиню Клементию⁸². Отсутствие подписи на аверсе Альфёльди объясняет стремлением Цезаря избегать самого слова *clementia*, чтобы не возбуждать боровшуюся против него олигархию еще больше, так как милосердие было возможно только в рамках отношения высшего к низшему⁸³. После битвы при Мунде, в 45 г., Юлий Цезарь

⁷⁶ Cass. Dio XLIV. 4. 5: καὶ ἐπὶ γὰρ τοῦ βήματος δύο, τὸν μὲν ὡς τοὺς πολίτας σῶσάκοτος τὸν δὲ ὡς τὴν πόλιν ἐκ πολιορκίας ἐξηρημένον, μετὰ τῶν στεφάνων τῶν ἐπὶ τοῖς τοιοῦτοις νενομισμένων ἰδρύσαντο.

⁷⁷ Подробнее об этих статуях см. Sehlmeier 1999, 233–234.

⁷⁸ Weinstock 1971, 163; Bergmann 2010, 190–193.

⁷⁹ Право постоянного ношения лаврового венка.

⁸⁰ Cass. Dio XLIII. 43. 1: τῷ στεφάνῳ τῷ δαφνίνῳ ἀεὶ καὶ πανταχοῦ ὁμοίως ἐκοσμεῖτο.

⁸¹ Подробнее о «милосердии» Цезаря см. Treu 1948; Akhieva 2002 (обе статьи с обзорами предыдущей историографии).

⁸² Речь, в частности, идет о денарии 48 г. до н.э. Л. Гостилия Сазерны (*RRC* 448/1a), а также о денариях и ауреусах, чеканившихся в 48–47 гг. до н.э., самого Цезаря (*RRC* 452/1–2).

⁸³ Alföldi 1985, 182–183, 216–217. В свое время Дж. Коллинз установил, что в «Записках о гражданской войне» и в частных письмах Цезарь говорит о *lenitas*, *humanitas*,

официально получил от сената *corona civica ob cives servatos* (Cass. Dio XLIV. 4. 5; ср. App. BC. II. 106. 441), причем именно как политик за спасение граждан (ср. Cic. Marcell. 12; 21). Бергман тонко подметила, что этот венок наряду с политической коннотацией (ей он обязан своим возникновением в контексте заговора Катилины) получил также и новое качество *clementia*, которое Цезарь придал ему уже в начале гражданской войны на своих монетах⁸⁴. Однако развивать свою мысль дальше она не стала, хотя именно подобный символизм и был выигрышным в глазах Августа, который позднее сделал его главным атрибутом своей власти. И почему тогда первый император, принимая дубовый венок, не побоялся прямых ассоциаций со своим приемным отцом? Неудивительно, что символ «милосердия» диктатора широко рекламировался. Так, например, Цезарю устанавливались статуи, увенчанные гражданским венком. О скульптурах на рострах (Cass. Dio XLIV. 4. 5) мы уже говорили, еще одно такое изваяние находилось на о. Фасос, притом важно отметить, что оно имеет сходство с портретным типом из Кьярамонти, который, как считается, был создан незадолго или вскоре после 44 г. до н.э.⁸⁵ Другими словами, изображения с дубовым венком тиражировались тогда, когда, по мнению Бергман, символом власти Цезаря должен был быть венок травяной.

Источники также говорят и о вручении Цезарю *imperii insignia*, т.е. золотого венка наряду с золотым курульным креслом и триумфальным одеянием (Cic. Phil. II. 85; App. BC. III. 28; Cass. Dio XLIV. 6. 3; 11. 2; XLV. 6. 5; RRC 497/2a–d). Когда сенат делегировал диктатору эти знаки высшей власти, неизвестно, но точно между возвращением из Испании в сентябре 45 г. и луперкалиями, состоявшимися 15 февраля 44 г. Кассий Дион описывает его как позолоченный венок (στεφάνος διάχρυσος), украшенный драгоценными камнями (XLIV. 6. 3). Образцом для него, очевидно, послужила *corona Etrusca*⁸⁶. Если и говорить о том, какой венок в первую очередь ассоциировался с Цезарем у последующего поколения, то это именно *corona aurea*. С одной стороны, венок действительно намекал на высшую власть⁸⁷, с другой — до самой смерти Августа он вместе с курульным креслом выставлялся во время театральных представлений (Cass. Dio L. 10. 2; LVI. 29. 1).

temperantia, *misericordia*, *liberalitas*, но никогда о *clementia*. Это было вызвано тем, что, по мнению ученого, Цезарь старался представить себя в качестве *civis bonus*, защищающего государственный строй. *Clementia* же — это качество законного монарха, а не первого среди равных, и избегание Цезарем этого термина показывает, что он не хотел выходить за рамки республиканских традиций (Collins 1972, 959–960).

⁸⁴ Bergmann 2010, 197.

⁸⁵ Эта статуя как скульптурное изображение Юлия Цезаря была определена Ф. Шаму, он же на основе сравнения с другими типами портретов диктатора предложил указанную датировку (Chamoux 1953). Его мнение поддержали К. Тухельт, который, правда, полагал, что это все же прижизненный портрет (Tuchelt 1979, 83, 91), и М. Коортбоджан (Koortbojian 2013, 120). В то же время А.-К. Масснер отвергает подобную точку зрения (Massner 1988), а Ф. Йохансен видит здесь локальный портрет императора Клавдия (Johansen 1987, 31).

⁸⁶ Bergmann 2010, 118.

⁸⁷ Это обыгрывается даже на денариях, отчеканенных в 42 г. до н.э. Октавианом, на реверсе которых на фоне *sella curulis* и золотого венка отчеканена надпись CAESAR DIC(tator) PER(petuo), т.е. «Цезарь бессрочный диктатор» (RRC 497/2a).

В-четвертых, возникают проблемы с хронологией. По свидетельству Кассия Диона, о котором речь шла выше, травяной венок якобы был вручен Юлию Цезарю сенатом в 45 г. до н.э. В феврале 44 г. при массовом скоплении народа во время празднования луперкалий он демонстративно отверг царскую диадему, которую ему преподнес Марк Антоний⁸⁸, и это, в таком случае, наиболее вероятная дата начала использования *corona graminea* в пропагандистских акциях диктатора. Но уже 15 марта он был убит. Другими словами, у Цезаря был всего лишь месяц, чтобы сделать этот венок одним из символов своей власти, что, разумеется, совершенно невозможно, тем более чтобы венок напрямую воспринимался как символ его незаконной власти на протяжении нескольких десятилетий после смерти.

Таким образом, травяной венок был одним из многих, и даже если в последний месяц жизни диктатора ставка делалась именно на него, было слишком мало времени, чтобы он мог сыграть важную роль в обосновании власти Цезаря.

И последнее. Если говорить о политических мотивах отказа Августа использовать *corona graminea* в своих пропагандистских мероприятиях, то скорее следует иметь в виду незаконное чествование на фоне гражданской войны этой высокой наградой Корнелия Суллы, запятнавшего себя проскрипциями, о чем пишет Плиний Старший (см. выше, с. 422). Если подобные настроения и оценки дожили до времен Флавиев, вполне вероятно, что в эпоху Августа многие могли бы провести очевидные параллели между награждением Суллы и чествованием в 30 г. до н.э. травяным венком бывшего триумвира Октавиана, отличавшегося, по словам Кассия Диона (XLIX. 15. 4), особой жестокостью во время проскрипций даже на фоне Лепида и Антония.

На наш взгляд, причины отказа лежали в большей степени в религиозном значении, которое имела *corona graminea*. Дело в том, что трава и травяной венок являлись атрибутом Марса. Специально исследовавший представления римлян об ассоциации травы с богом войны Ж. Гийом-Куарье отмечает, что хотя напрямую ни один источник об этом не говорит, все же несколько отрывков из древних авторов позволяют сделать подобное заключение⁸⁹. Согласно Павлу Диакону, загадочный эпитет *Gradivus*, который носил Марс, объясняется «тем, что он был рожден в траве... и поэтому травяной венок является высшей почестью за военные подвиги»⁹⁰. Ту же этимологию — *quod gramine sit ortus* — дает Сервий (*Aen.* III. 35 Thilo). Правда, комментируя упоминание Вергилия (*Aen.* XII. 119) об алтарях из травы (*arae gramineae*), он предлагает несколько иное объяснение, которое позволяет нам точнее понять суть римских представлений. Сервий подчеркивает, что алтари «находились в траве... потому что речь идет о войне и жертвы приносились Марсу, которому посвящена трава, тому, кто, согласно Плинию в “Естественной

⁸⁸ По всей видимости, это была спланированная акция, направленная на то, чтобы показать, что Юлий Цезарь не желал царской власти, которая была проведена на фоне широкой агитации его противников, обвинявших Цезаря в стремлении стать «царем». Впрочем, в историографии существуют и другие точки зрения по этому поводу: см. Kraft 1969, 39–74; North 2008, 155–159, п. 64 (с основной литературой).

⁸⁹ Guillaume-Coirier 1993, 393–395.

⁹⁰ Paul. Fest. 86.17–19 L: *quia gramine sit ortus... quia corona graminea in re militari maximae est honorationis*.

истории”, рожден из человеческой крови»⁹¹. Ж. Гийом-Куарье справедливо замечает, что здесь подразумевается кровь, которая течет в бою: пропитывая землю, она порождает производящую зеленую траву, которая полна жизни. В подтверждение этого суждения французский ученый приводит примеры трехстороннего отношения — трава, кровь, Марс — из Тита Ливия, Плиния Старшего и Апулея (Liv. VII. 37. 1–3; Plin. *NH.* XXII. 9; Apul. *Met.* VII. 10. 5)⁹². Другими словами, это не какая-то конкретная трава с пастбищ, а трава с того места, где армия подверглась осаде⁹³. Основное требование — она должна быть пропитана кровью сражающихся. Таким образом, *corona graminea* прямо напоминала об ужасах гражданской войны.

Кроме того, трава (точнее, пучок священной травы, собственно *herba pura*, или, по-другому, *sagmina*⁹⁴) имела для римлян глубокое сакральное значение и олицетворяла родную землю⁹⁵. Она срывалась консулом или претором в священном месте в городской крепости на Капитолии (Fest. 424.34; ср. *Dig.* I. 8. 1). Эта *herba pura* использовалась в религиозных обрядах глубоко архаической жреческой коллегии фециалов, ведавшей в том числе и ритуалом объявления войны. В церемонии участвовали два члена коллегии: вербенарий, который нес с собою вырванную с корнем траву из римской крепости, и отец-отряженный, который представлял городскую общину, как отец семейства — фамилию⁹⁶. Здесь нужно вспомнить, что сам Октавиан в качестве *pater patratus*, согласно древним обычаям, провел ритуал объявления войны Клеопатре. Вот почему увенчание триумвира травяным венком могло быть воспринято как передача родной земли победителю в гражданской войне. Достаточно привести в пример эмоциональную реакцию Плиния Старшего на вручение *corona graminea* Сулле.

Еще один немаловажный момент. Римское выражение *herbam dare*, как указывают поздние комментаторы, отражало существование древней традиции, согласно которой побежденный отдавал победителю пучок травы, являвшийся символом отказа проигравшего «от обладания землей, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле»⁹⁷. Другими словами, тот, кто по-

⁹¹ Serv. *Aen.* XII. 119 Thilo: Romani enim moris fuerat caespitem arae superimponere et ita sacrificare... quia et de bello res agitur et Marti sacrificatur, cui gramen est consecratum, quod secundum Plinium in *Naturali historia* ex humano cruore procreatur.

⁹² Guillaume-Coirier 1993, 394.

⁹³ Fest. 208.12–14 L: ex eo loco... in quo erant inclusi; ср. Gell. V. 6. 9; Serv. *Aen.* XII. 119 Thilo. При этом разновидность травы совершенно не важна.

⁹⁴ Это слово одного корня с существительным *sacer*: см. Ernout, Meillet 1951, 1039; Walde 1954, II, 464.

⁹⁵ Хотя *herba pura* и не могла быть осквернена кровью, как видно из названия, но, как и трава с поля боя, имела ассоциации с военной сферой. Сходство заключалось и в том, что трава, пропитанная кровью, также символизировала землю тех, кто эту кровь пролил (см. Plin. *NH.* XXII. 8).

⁹⁶ Собственно, *pater patratus* (от *pater*+*atus* — «тот, кого сделали отцом», см. Walde 1954, II, 265). Для нас весьма показательно, что этимология названия этого жреца весьма тесно коррелирует с тем, что обладатель травяного венка получал титул *pater* (см. выше, прим. 27). О глубокой архаичности самой церемонии см. Liv. I. 24. 4–5.

⁹⁷ Plin. *NH.* XXII. 8 (см. выше, прим. 24); ср. Serv. *Aen.* VIII. 128 Thilo: Est illud proverbium ‘herbam do’, id est cedo victoriam, quod Varro in *Aetiis* ponit, cum in agonibus herbam in modum palmae dat aliquis ei, cum quo contendere non conatur, et fatetur esse meliorem. — «Есть

лучал стебли травы, получал право распоряжаться жизнью и смертью тех, кто эти стебли вручал. Выше мы уже говорили, что римские солдаты подпадали под отцовскую власть полководца, которого они увенчивали *corona graminea*. И здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на архаичность этого ритуала в эпоху Августа, о нем хорошо помнили. Выражение *herbam dare* встречается в пьесах и комедиях Плавта, Акция и Афрания⁹⁸, чья деятельность относится к III—II вв. до н.э., но для нас важно, что Вергилию в «Георгиках» достаточно намек на ритуал, связанный с передачей победителю травы⁹⁹. Очевидно, что в условиях гражданской войны травяной венок приобретал весьма неоднозначную смысловую нагрузку.

В то же время гражданский венок, который Август выбрал вместо *corona graminea*, изготавливавшийся из дубовых листьев, нес совсем другое значение. У римлян дуб был посвящен Юпитеру и считался *felix*, т.е. приносящим счастье и богатство, сулящим плодородие и благоденствие¹⁰⁰. Соответственно эти оживания, эта «сила», этот «успех», это «счастье» переходили на человека, которому вручался дубовый венок, его статус в общине резко возрастал¹⁰¹. Венок, таким образом, формировал образ, который ассоциировался с идеей прорастания, плодородия, а следовательно, мирной жизни и будущего благополучия.

Таким образом, по нашему мнению, причины отказа Августа от использования *corona graminea* для легитимации собственной власти лежат не в политической плоскости, а в сфере религии. Первый император через дубовый венок, который символизировал наступление благополучия и благоденствия, хотел ассоциироваться с земным Юпитером, идеальным правителем, чья деятельность вела к процветанию и мирной жизни. В свою очередь, травяной венок связывался с богом войны, а следовательно, имел коннотации с гражданской войной, что в корне не устраивало Августа, вскоре объявившего о возвращении мирной жизни и восстановлении всех сфер государства (*restitutio rei publicae*).

такая пословица: “даю траву”, т.е. “признаю победу”, — которую Варрон использует в “Причинах”, когда кто-либо во время состязаний дает в качестве пальмовой ветви пучок травы тому, с кем он не желает бороться и как бы признаёт, что тот лучше его»; ср. также Paul. Fest. 88.10 L; Nonius p. 317.14; Placid. 52. 9 Deverling.

⁹⁸ Относительно Плавта см. комментарий Павла Диакона (Paul. Fest. 88.10 L); о том, что это выражение употребляли Акий и Афраний, упоминает Ноний Марцелл (Nonius p. 317.14).

⁹⁹ Verg. *Georg.* III. 498–499: *atque immemor herbae victor equus* («и забывший траву конь-победитель»). Показательно, что Ноний Марцелл приводит эту строку, чтобы проиллюстрировать ассоциацию *herba* с *palma*, или *victoria*, т.е. травы с победой (Nonius p. 317.15).

¹⁰⁰ О понятиях *felix* и *felicitas* см. Balsdon 1951, 4–5; Erckell 1952, 41–128; Calasso 1962, 15–30; André 1964, 35–46; Gagé 1969, 711–723; Champeaux 1987, 216–224; Wistrand 1987; Thurmond 1992 (*non vidi*).

¹⁰¹ Cp. Serv. *Aen.* I. 330 Thilo: *Felix enim dicitur et qui habet felicitatem et qui facit esse felicem*. — «Феликсом зовется и тот, кто является счастливым, и тот, кто дает возможность быть таковым». Подобные идеи перекликаются с представлениями о триумфаторе как носителе благодати (подробнее см. Versnel 1970, 371–397). Однако триумфальный лавровый венок не был выбран Августом по той простой причине, что он не устанавливал зависимости между общиной и правителем, каковое символическое значение имели *corona graminea* и позднее *corona civica ob cives servatos*.

Литература / References

- Akhiev, S.N. 2002: [*Clementia Caesaris*: intention, reasons, goals]. In: *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*]. Issue 11. Saratov, 71–80.
- Ахиев, С.Н. *Clementia Caesaris*: сущность, причины, цели. В сб.: *Античный мир и археология*. Вып. 11. Саратов, 71–80.
- Adcock, F.E. 1932: Caesar's dictatorship. In: *Cambridge Ancient History*. Vol. IX. Cambridge, 691–740.
- Adcock, F.E. 1951: The interpretation of *Res gestae divi Augusti*, 34. I. *Classical Quarterly* 1 (3/4), 130–135.
- Alföldi, A. 1952: Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik: Kleine Beiträge zu ihrer Entstehungsgeschichte. 3. *Parrens patriae*. *Museum Helveticum* 9/4, 204–243.
- Alföldi, A. 1953: *Studien über Caesars Monarchie*. Lund.
- Alföldi, A. 1985: *Caesar in 44 v. Chr. Bd.I. Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln*. (Antiquitas. Reihe 3, 16). Bonn.
- André, J. 1964: *Arbor felix, arbor infelix*. In: M. Renard, R. Schilling (éds.), *Hommages à Jean Bayet*. Bruxelles, 35–46.
- Babelon, E. 1886: *Description historique et chronologique des monnaies de république romaine*. T. II. Paris.
- Balsdon, J.P.V.D. 1951: Sulla Felix. *Journal of Roman Studies* 41, 1–10.
- Bastien, P. 1992: *Le Buste Monétaire des empereurs romains*. T.I. Wetteren.
- Belloni, G.G. 1987: *Les "Res gestae Divi Augusti". Augusto: il nuovo regime e la nuova urbe*. Milano.
- Benndorf, O. 1878: *Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken*. Wien.
- Bergmann, B. 2010: *Der Kranz des Kaisers. Genese und Bedeutung einer römischen Insignie*. Berlin–New York.
- Bonghi, O. 1834: Scavi apuli. *Bullettino dell'istituto di corrispondenza archeologica* II–III, 36–40.
- Brunt, P.A., Moore, J.M. (eds.) 1967: *Res gestae divi Augusti: The Achievements of the Divine Augustus*. Oxford.
- Büttner, A. 1957: Untersuchungen über Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen im römischen Heer. *Bonner Jahrbücher* 157, 127–180.
- Calasso, G.P. 1962: Appunti sul concetto di felicitas. *Atene e Roma* 7, 15–30.
- Carson, R.A.G. 1956: [Rev.] K. Kraft. Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des Tyrannen (from *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*, 3 and 4, 1952–53), 97 S. *Gnomon* 28/3, 181–186.
- Cesano, S.L. 1950: Le monete di Cesare. In: *Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Serie III. Rendiconti*. Vol. XXIII–XXIV. Anno accademico 1947–1948, 1948–1949. Roma, 103–151.
- Chamoux, F. 1953: Un portrait de Thasos: Jules César. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot* 47, 131–147.
- Champeaux, J. 1987: *Fortuna. Recherches sur le culte de la Fortune à Rome et dans le monde romain des origines à la mort de César*. T. II. *Les transformations de Fortuna sous la République*. Roma.
- Cohen, H. 1880: *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain communément appelées médailles impériales*. T. I. 2ème éd. Paris–Londres.
- Collins, J. 1972: Caesar as political propagandist. In: H. Temporini (Hrsg.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. I. *Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik*. Bd.I. *Politische Geschichte*. Berlin–New York, 922–966.
- Cornell, T.J. et al. 2013: *The Fragments of Roman Historians*. Vol. 3. *Commentary*. Oxford.
- Crawford, M.H. 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. I. Cambridge.
- Dart, C.J., Vervaet, F.J. 2014: Claiming triumphs for recovered territories: reflections on Valerius Maximus 2.8.4. In: C.H. Lange, F.J. Vervaet (eds.), *The Roman Republican Triumph. Beyond the Spectacle*. Roma, 53–64.
- Deubner, L. 1933: Die Bedeutung des Kranzes im klassischen Altertum. *Archiv für Religionswissenschaft* 30, 70–104.
- Dowling, M.B. 2006: *Clemency and Cruelty in the Roman World*. Ann Arbor.
- Erkell, H. 1952: *Augustus, felicitas, fortuna: lateinische Wortstudien*. Göteborg.
- Ernout, A., Meillet, A. 1951: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. T. I–II. 3ème éd. Paris.
- Fiebiger, H.O. 1901: Corona. In: *RE*. Hlbd. 8, 1636–1643.
- Fröhlich, F. 1900: Cornelius (392). In: *RE*. Hlbd. 7, 1522–1566.
- Fuhrmann, H. 1949: Zwei Reliefbilder aus der Geschichte Roms. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institut* 2, 23–65.

- Gagé, J. 1969: *Felicitas. Reallexicon für Antike und Christentum*. Bd. 7. Stuttgart, 711–723.
- Gelzer, M. 1968: *Caesar: Politician and Statesman*. Oxford.
- Grueber, H.A. 1910: *Coins of the Roman Republic in the British Museum*. Vol. I. London.
- Guillaume-Coirier, G. 1993: Couronnes militaires végétales à Rome. Vestiges indo-européens et croyances archaïques. *Revue de l'histoire des religions* 210, no. 4, 387–411.
- Hafner, G. 1981: *Prominente der Antike: 337 Portraits in Wort und Bild*. Düsseldorf–Wien.
- Hölkeskamp, K.-J. 2006: Konsens und Konkurrenz. Die politische Kultur der römischen Republik in neuer Sicht. *Klio* 88/2, 360–396.
- Johansen, F. 1987: The portraits in marble of Gaius Julius Caesar: a review. In: *Ancient Portraits in the J. Paul Getty Museum*. Vol. I. Malibu, 17–40.
- Judge, E.A. 2008: The Eulogistic inscriptions of the Augustan Forum: Augustus on Roman history. In: E.A. Judge. *The First Christians in the Roman World: Augustan and New Testament Essays*. Tübingen, 165–181.
- Koortbojian, M. 2013: *The Divinization of Caesar and Augustus. Precedents, Consequences, Implications*. Cambridge.
- Korolenkov, A.V. 2009: [Marius and Catulus: the relationship history of *homo novus* and *vir nobilissimus*]. In: *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. Issue 13. Saratov, 214–224.
- Короленков, А.В. Марий и Катул: история взаимоотношений *homo novus* и *vir nobilissimus*. В сб.: *Античный мир и археология*. Вып. 13. Саратов, 214–224.
- Korolenkov, A.V., Smykov, E.V. 2007: *Sulla [Sulla]*. Moscow.
- Короленков, А.В., Смыков, Е.В. Сулла. М.
- Kraft, K. 1969: *Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des "Tyrannen"*. 2. Aufl. Darmstadt.
- Le Bohec, Y. 1997: Auszeichnungen, militärische. In: H. Cancik, H. Schneider (Hrsg.), *Der Neue Pauly*. Bd. II. Stuttgart, 341–343.
- Luce, T.J. 1990: Livy, Augustus, and the Forum Augustum. In: K. Raafaub, M. Toher (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley, 123–138.
- Luschi, L. 1994: L'iscrizione di "C. Vibius Macer" e la necropoli romana di Villavallelonga (L'Aquila). Documentazione d'archivio. *Studi Classici e Orientali* 42, 241–257.
- Mantzilas, D. 2014: [Bibliography]. In: A. Panoutsopoulos, D. Mantzilas (eds.). *Ta Pepragmena tou Theikou Augoustou [Res Gestae Divi Augusti]*. Ioannina, 511–644.
- Μαντζίλας, Δ. Βιβλιογραφία. Στο βιβλ.: Α. Πανουτσόπουλος, Δ. Μαντζίλας (εκδ.), *Τα Πεπραγμένα του Θεϊκού Αυγούστου*. Ιωάννινα, 511–644.
- Massner, A.-K. 1988: Corona Civica, Priesterkranz oder Magistratsinsigne? Bildnisse Thasischer Theoroi? *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 103, 239–250.
- Maxfield, V.A. 1981: *The Military Decorations of the Roman Army*. London.
- McDonnell, M. 2006: *Roman Manliness: Virtus and the Roman Republic*. Cambridge.
- Mercklin, L. 1859: *De Varrone coronarum Romanarum militarium interprete praecipuo quaestiones*. Dorpati.
- Meyer, Ed. 1922: *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*. 3. Aufl. Stuttgart–Berlin.
- Michel, D. 1967: *Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius: archäologische Untersuchungen*. (Collection Latomus, 94). Bruxelles.
- Mommsen, Th. (ed.) 1883: *Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi*. 2 ed. Berolini.
- Münzer, F. 1901: Decius (15). In: *RE*. Hlbd. 8, 2279–2281.
- Münzer, F. 1909: Fabius (116). In: *RE*. Hlbd. 12, 1814–1830.
- Nicolet, C. 1991: *Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire*. Ann Arbor.
- North, J.A. 2008: Caesar at the Luperalia. *Journal of Roman Studies* 98, 144–160.
- Ogilvie, R.M. 1965: *A Commentary on Livy, Books I–V*. Oxford.
- Picard, G.Ch. 1957: *Les trophées romains. Contributions à l'histoire de la religion et de l'art triomphal de Rome*. Paris.
- Pollini, J. 2012: *From Republic to Empire. Rhetoric, Religion, and Power in the Visual Culture of Ancient Rome*. Norman (OK).
- Rodriguez, C.L. 1989: *Poetry and Power: Studies on Augustan Monuments and the Poets of the Augustan Age*. Diss. Vol. I. Baltimore.

- Sage, M.M. 1979: The "Elogia" of the Augustan Forum and the "de viris illustribus". *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte* 28/2, 192–210.
- Saglio, E. 1887: Corona. In: Ed. Ch. Daremberg, E. Saglio (eds.), *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. T.I. Paris, 1520–1537.
- Salmon, E.T. 1967: *Samnium and the Samnites*. Cambridge.
- Scheid, J. (ed.) 2007: *Res gestae divi Augusti. Hauts faits du divin Auguste*. Paris.
- Schäfer, Th. 1988: Sella curulis und fasces als Paradigma. In: W.D. Heilmeyer, E. La Rocca, H.G. Martin (Hrsg.), *Kaiser Augustus und die Verlorene Republik: Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin, 7. Juni – 14. August 1988*. Berlin, 427–440.
- Schlömer, M. 1999: *Stadtrömische Ehrenstatuen der republikanischen Zeit*. Stuttgart.
- Steiner, P. 1906: Die 'dona militaria'. *Bonner Jahrbücher* 114/115, 1–98.
- Sutherland, C.H.V. 1987: *Roman History and Coinage 44 BC – AD 69. Fifty Points of Relation from Julius Caesar to Vespasian*. Oxford.
- Sydenham, E.A. 1952: *The Coinage of the Roman Republic*. London.
- Syme, R. 1960: *The Roman Revolution*. 2nd ed. Oxford–New York.
- Thurmond, D.L. 1992: *Felicitas: Public Rites of Human Fecundity in Ancient Rome*. Ph.D. Diss. University of North Carolina. Chapel Hill.
- Tokarev, A.N. 2011: *Stanovlenie ofitsial'noy ideologii printsipata Imperatora Avgusta [Formation of the Official Ideology of the Emperor Augustus' Principate]*. Kharkiv.
- Токарев, А.Н. *Становление официальной идеологии принцепата Императора Августа*. Харьков.
- Treu, M. 1948: Zur clementia Caesaris. *Museum Helveticum* 5, 197–217.
- Tuchelt, K. 1979: *Frühe Denkmäler Roms in Kleinasien*. Teil I. *Roma und Promagistrate*. Tübingen.
- Versnel, H.S. 1970: *Triumphus. An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Triumph*. Leiden.
- Vervaet, F.J. 2017: Honour and shame in the Roman Republic. In: H.J. Kim, F.J. Vervaet, S.F. Adali (eds.), *Eurasian Empires in Antiquity and the Early Middle Ages: Contact and Exchange between the Graeco-Roman World, Inner Asia, and China*. Cambridge, 85–109.
- Walde, A. 1954: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. Aufl. Bd. I–III. Heidelberg.
- Weinstock, S. 1971: *Divus Julius*. Oxford.
- Wistrand, E. 1987: *Felicitas imperatoria*. Göteborg.
- Zahn, B. 1909: Eine Tonpfanne im Antiquarium. *Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen* 30 (11), 264–269.
- Zanker, P. 1988: *Power of Images in the Age of Augustus*. Transl. by Al. Shapiro. Ann Arbor.